

УДК 82'0

«У НАС ДЕЛО ЕСТЬ, ЖИТЬ НАДО»
(О НОВОЙ КНИГЕ ОБ А.П. ПЛАТОНОВЕ)¹

© 2013 Л.В. Полякова

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

Поступила в редакцию 20 июня 2013 г.

Аннотация: Рецензируется новая книга об А.П. Платонове. Ее автор доктор филологических наук, профессор Воронежского государственного университета Т.А. Никонова, опираясь на достижения современного платоноведения, анализирует избранные прозаические и драматургические произведения писателя, позволяющие проследить эволюцию художника в контексте ключевых событий XX века. Обращено внимание на проблемы периодизации платоновского наследия, основные категории художественного мира Платонова, типологии литературных героев. Освещены вопросы судьбы писателя в литературной критике и современной литературоведческой науке.

Ключевые слова: Русская литература, Платонов, новая концепция творчества, система оценочных критериев, полемика.

Abstract: The new book about A.P. Platonov is reviewed. Her author Doctor of Philology, professor of the Voronezh state university T.A. Nikonova, relying on achievements of a modern platonovedeniye, analyzes the chosen prosaic and dramaturgic works of the writer, allowing to track evolution of the artist in a context of key events of the XX century. The attention to problems of a periodization of platonovsky heritage, the main categories of the art world of Platonov, typology of literary heroes is paid. Questions of destiny of the writer in the literary critic and modern literary science are taken up.

Keywords: Russian literature, Platonov, new concept of creativity, system of estimated criteria, polemic.

В начале 1920-х годов А. Платонов написал В. Келлеру о собственном ощущении жизни «как опасности, тревоги, катастрофы и страсти разметать ее такую».

Человек призван закончить мир, найти место всему и дойти и довести с собою все, что видимо и что скрыто, не до блаженства, а до чего-то, что я предвижу и не могу высказать» [3, 216]. То, что «предвидел и не мог высказать» писатель, пытается понять и описать автор монографии. В заключение своего анализа произведений, творческой эволюции Платонова, оценок его современников и специалистов наших дней Никонова приходит к выводу о том, что «платоновский путь в литературе – преодоление “ощущения жизни как опасности...” Эта задача, сформулированная в юности, определила параметры художественного мира писателя, – замечает воронежский исследователь. – В разные годы, в разных исторических обстоятельствах менялась стилистика, масштабы изображения, приоритетная жанровая форма, но сохранялось направление писательского поиска, который шел в глубь человека, уверенный в его неисчерпаемости, в способности жить, пре-

одолевая физические испытания, сопротивляясь самой смерти... Смерти – синониму пустодушия – платоновские герои говорят: “Нет”. Отрицанием смерти-забвения живет мужественное сердце человека, понимающего свою главную обязанность на земле – “У нас дело есть, жить надо” (“Возвращение”). И человек дорого платит за это мужественное знание» [3, 218].

В свое время в статье об И.А. Крылове В.Г. Белинский заметил: «...способность творчества есть талант, а способность быть народным в творчестве – другой талант, не всегда, а напротив, очень редко являющийся вместе с первым» [1, 565]. «Писать надо не талантом, а “человечностью” – прямым чувством жизни» [6, 101], – был убежден и Платонов. В «Кратком плане» романа «Зреющая звезда. Т.е. Земля» он не случайно уточнял: «Сюжет я понимаю здесь как рост человека под влиянием внешних благоприятных условий. Человек и есть сюжет» [8, 243]. С отчетливым чувством платоновской гуманистической, социально-исторической концепции Т. Никонова выстраивает систему своих оценок и аргументов, в слове «От автора», написанном неформально, формулирует цель монографического труда: «Дать некоторые “ключи” для чтения и понимания

© Л.В. Полякова, 2013

платоновских текстов», помочь ориентироваться в мире идей писателя, «а через него — лучше понять язык искусства XX века». Она ставит задачу — «рассмотреть взаимоотношения художественной реальности, созданной А. Платоновым, с социальной действительностью, которая родила его героев и которая диктовала его сюжеты» [3; 5,6]. Для этого автору необходимо войти в мир платоновской поэтики, постичь основные законы художественного мира писателя, почувствовать динамику его мысли. Автор монографии разворачивает общеконцептуальный постулат своего подхода к уникальности творческого почерка и эволюции художника, специально акцентирует, даже утрирует мысль о том, что русская литература XIX века создала миф о народе на собственном культурном поле, без участия самого народа, за столетие приучив читателя, в том числе и так называемого «простого» читателя, к набору определенных этических правил в его изображении, Платонов же — «писатель иного времени, совершенно не стандартного художественного опыта. Он пришел в литературу, — уточняет Т.А. Никонова, — не от “книжного” опыта, напротив, испытывая к “чужому”, готовому слову недоверие. Его творчество в известном смысле — вызов русской литературе, попытка увидеть и в жизни, и в художественном тексте не “народ”, а людей, которые живут в реальной жизни и, как говорит платоновский мастеровой, “имеют свои склонности, и один умней другого”».

Писателю первых послереволюционных лет, создававшему новую литературу и новую культуру, не только А. Платонову, необходимо было помнить, что его герой «не был профессиональным философом и, как правило, не был даже интеллигентом, склонным к отвлеченному мышлению. И рядом со словом пашня, робить, смерть, земля вставляли новые, необходимые слова — мировая революция, интернационал, классовая борьба, пролетариат. Встреча и сопряжение этих различных понятий, их столкновение и взаимоотношение и отражали “фантастический размах духа”» [3, 24]. Никоновой важно подчеркнуть, что А. Платонов никогда не был частью стандартного большинства. Рассказывая массовому читателю о том, что он, читатель, пережил мучительно, часто бестолково и нерезультативно, писатель с неизбежностью входил в зону не только эстетического риска. «Говоря с читателем на его же корявом, трудном языке, — подчеркивает Никонова, — он не развлекал, а ошеломлял, не льстил “простому человеку”, объявляя примитивность простотою. Он находил и глубину, и мудрость там, где ее не видели другие — в “сокровенности” человеческого существования. Он сочувствовал своему неказистому герою, сострадал ему в его

испытаниях, не подменяя их реальную сложность “книжными” объяснениями. Все это не обещало легкого успеха. И действительно, нельзя сказать, что его единодушно принял писательский цех, сложной была и читательская реакция» [3, 25].

Сегодня у нас и за рубежом о Платонове написана большая научная литература, и воронежский платоновед на страницах монографии привлекает многочисленные источники, что, конечно же, не закрывает ни один проблемный вопрос, не отменяет ракурс возможных иных прочтений. Монография Т. Никоновой, кроме оригинальной трактовки платоновских творений, имеет свою особую структуру, обусловленную целью и задачами автора. Исследование ведет не только известный ученый, а и литературовед-профессор, который видит и слышит своего читателя, не только известных ученых, с которыми вступает в принципиальный диалог, но и молодых филологов, начинающих профессионально постигать уникальный художественный мир писателя. Поэтому структура книги включает не только слово «От автора», но и специальную исходную главу «Предварительные замечания», включающую два очень непростых для осмысления специфики творческой эволюции и художественной философии одного из самых сложных творцов XX столетия раздела: «Периодизация платоновского наследия и его судьба в критике», «Основные категории платоновского художественного мира».

Конечно, творческая эволюция Платонова становилась и развивалась так, что вряд ли возможно выделение других общих, крупных ее этапов, кроме тех, которые выделяет Никонова: воронежский и московский периоды. Однако приведенный материал оставляет у читателя монографии вопросы, например, почему в проблеме периодизации вмонтирована информация «Посмертная судьба писателя», ведь ранее речь шла о периодизации творчества самого художника, а не оценок критиков. Содержание заключительной главы «Человек и война в творчестве А. Платонова последнего десятилетия его жизни (1941–1951)» логично было бы в общих чертах проговорить и в разделе о периодизации. Вопрос о периодизации платоновского творчества решен автором монографии в некоторой степени формально, по принципу географии творческого процесса. Московский период, на деле, это почти весь Платонов, он и его творчество не укладывается в одну какую-нибудь тенденцию. Решение проблемы периодизации предполагает акценты на движении, развитии конкретных творческих поисков и открытий художника. Видимо, с осознанием этой логической пунктуальности автор монографии в названии раздела о периодизации останавливает наше внимание

не на процессе (процессах) творчества писателя, а на его «наследии».

Особенно целесообразен и чрезвычайно интересен второй раздел главы «Предварительные замечания» – «Основные категории платоновского художественного мира». Здесь обращено внимание на принципиально новаторский подход писателя к эстетическим ценностям русского национального искусства, к его художественной философской эмблематике, в которой фиксируются основные миромоделирующие постулаты Платонова-художника и мыслителя, приближающие его, как справедливо пишет Никонова, к профессиональному и человеческому статусу гения. Вот эти категории: выбор героя; модификации «человека идущего», «человека внутреннего, сокровенного»; земля как «детская родина», Родина-мать; отец и мать, сиротство; понятия «родства» и «всеобщей солидарности»; мать и народ (люди) как равные истоки человеческой жизни; мотивы «пути», «дороги», «метели», разработанные по-платоновски оригинально и структурно; слобода и пригород; земля как исток и целое, частью которого себя ощущает герой; образы революции, «прекрасного и яростного мира»; природа как источник жизни и смерти; трагическое чередование мира и войны как метафизических состояний.

С большим интересом читаются в книге Т. Никоновой разделы «Пространство жизни в платоновской драматургии» и «Герой и народ в пространстве жизни и смерти в повести “Джан”», а также глава «Человек и война в творчестве А. Платонова последнего десятилетия его жизни (1941–1951)», особенно материал о рассказе «Одухотворенные люди» с его эпизодом, в котором сталкиваются два имени нашей Родины военных лет – Россия и Советский Союз.

Существующие современные трактовки «Города Градова», «Котлована», «Чевенгура», «Впрок» и некоторых других произведений Платонова этого ряда – предмет литературоведческой контрверзы на десятилетия. Точка зрения Никоновой, разумеется, одна из возможных исследовательских гипотез. Гипотеза яркая, однако не во всем одинаково хорошо прописанная. Однако именно вторая и третья главы – «Человек в мире в творчестве писателя 1920-х годов» и «Социальная действительность и художественная реальность в произведениях А. Платонова 1930-х годов», воспринимаются как содержательно программные в книге Т.А. Никоновой. В них анализируются «Епифанские шлюзы», «Чевенгур», «Город Градов», «Усомнившийся Макар», «Котлован», «Джан», «Ноев ковчег (Каиново отродье)», «Шарманка», «14 Красных Избушек». Анализ и интерпретация этих творений классика русской литературы на страницах монографии ин-

тересны, свидетельствуют о продуктивном и ярком диалоге, в который вступает Никонова со своим кумиром и вместе с ним решает вопросы о философской и поэтической самобытности творений художника XX века, месте его творческих открытий в истории литературы, о роли творческой личности в репутации национального искусства, о роли литературной критики в судьбе художника.

Особенно удачно, системно на страницах монографии проанализирован роман «Чевенгур». Очевидно, именно этот роман дал исследователю наиболее прочное основание говорить о внимании писателя к разным типам человека: героя-преобразователя, платоновского мудреца, традиционного чудака («природного дурака»), пристрастии Платонова к теме «человек в жизни», о родовой черте платоновских персонажей: в каждом человеке раскрыть «обобщение собственной жизнью», и «потому каждый день для него – сотворение мира. Этим люди и держатся». Цитируя платоновского философа Фому Егоровича Пухова, Никонова заключает: «“Обобщение собственной жизнью” есть часть общего хода жизни, ее драматического распорядка. Платоновские герои живы ежедневным чудом “сотворения мира”, не отменяемым жесткой реальностью “необорудованной” планеты» [3, 94].

Запоминаются оценки и повести «Котлован», в которой Платонов, как справедливо утверждает воронежский исследователь, вернулся к градовской реальности. Автор монографии отмечает тесную связь сюжетных деталей с реальными фактами истории и заключает: «И все же, несмотря на обилие совпадений платоновского повествования с реальными фактами истории, следует сказать, что повесть “Котлован”, как и все платоновские тексты, не может быть истолкован лишь как иллюстрация событий 1930-х годов. Социальный мир, демагогически фетишизируя “книжную” идею “дома будущей жизни”, оборачивается онтологическими потерями» [3, 156]. В трактовке «Котлована» и анализе историко-литературного контекста этого произведения для Т.А. Никоновой чрезвычайно важна мысль Н.В. Корниенко в связи со статьей Платонова «Фабрика литературы» (1926): «...это платоновская метафора советской литературы как явления в единстве сущности и существования, содержания и формы (в 1931 году он даст ей новое название – “Великая Глухая”», – замечает Н.В. Корниенко. Никонова говорит о существовании платоновского взгляда на советскую литературу: Платонов видел в литературе не только отражение идеологических формул, но и искал для них новое содержание. «Во-первых, писатель уверен, что “искусство не всегда социально явно и общедоступно”. Во-вторых, литература для него –

“диалектика социальных событий, звучащая как противоречие живой души автора”. Вот почему для А. Платонова в литературе конца 1920 начала 1930 х годов существуют два вида “современных литературных сочинений”: “либо это диалектика авторской души в социальной оправе (по-моему, Бабель, Сейфуллина и неск. др), либо одни честные натужения на действительно социальный роман (диалектика событий) – искреннейшее желание ребенка построить в одиночку, в углу автобус, сделать из чугунка для шей паровую машину и т. д.”» [3, 142].

Эта характеристика достаточно объемно выражает отношение Платонова к проблеме отношения искусства к действительности, в принципе основному вопросу создающей роли литературы в судьбе человека, страны, нации. «Поэт в России больше, чем поэт» – реальное выражение самоопределения и самочувствования русских художников, не мыслящих себя вне своего Отечества. Платонов не только не был исключением, но выражал эту природную ипостась творца наиболее колоритно и последовательно. Поэтому неожиданным стало достаточно подробное изложение в монографии авербаховской отрицательной оценки прозы Платонова конца 1920 – начала 1930 х годов, а также критики повести «Впрок» на страницах «Красной нови» – при полном отсутствии анализа и самой повести, и реакции Платонова на эту критику. Тем более, что про-звучал дифирамб в адрес, как несколько раз повторяет Никонова, «профессионального критика» А. Гурвича, не отграничившего в «Впроке» сатиру от юмора и грустной иронии, написавшего свой политический донос на Платонова. «...Профессионально выполненная и по сегодняшнему времени статья А. Гурвича “Андрей Платонов” убедительно и необратимо доказывала полную несовместимость произведений А. Платонова с советским временем» [3, 137], – сообщает автор книги «Андрей Платонов в диалоге с миром и социальной реальностью».

Читателю никоновской монографии в этом контексте было бы интересно прочитать и о самой повести «Впрок», и о письмах Платонова в связи с критикой произведения в «Литературную газету», «Правду» и М. Горькому. Было бы любопытно услышать оценку известным платоноведом и заявления писателя от 14 июня 1931 года «Я считаю глубоко ошибочной свою прошлую литературно-художественную деятельность»: «Я считаю глубоко ошибочной свою прошлую литературно-художественную деятельность... В результате воздействия на меня социалистической действительности, собственных усилий навстречу этой действительности и пролетарской критики я пришел к убеждению, что моя работа, несмотря

на положительные субъективные намерения, объективно приносит вред. Противоречие – между намерением и деятельностью автора – явилось в результате того, что автор ложно считал себя носителем пролетарского мировоззрения, тогда как это мировоззрение ему предстоит завоевать...

Я не мог бы написать этого второго письма, если бы не чувствовал в себе силу начать все сначала и если бы не имел энергии изменить в пролетарскую сторону свое творчество – самым решительным образом. Главной же моей заботой является теперь не продолжение литературной работы ради ее собственной «прелести», а создание таких произведений, которые бы с избытком перекрыли тот вред, который был принесен автором в прошлом.

Разумеется, настоящее письмо не есть искупление моих заблуждений, а лишь гарантия их искупить и разъяснение читателю, как нужно относиться к прошлым моим сочинениям.

Кроме того, каждому критику, который будет заниматься произведениями Платонова, рекомендуется иметь в виду это письмо.

14 июня 1931 г.

Андрей Платонов» [4, 230-231].

24 июля 1931 года в письме Горькому Платонов пишет: «я хочу сказать Вам, что я не классовый враг, и сколько бы я ни выстрадал, в результате своих ошибок, вроде «Впрока», я классовым врагом стать не могу и довести меня до этого состояния нельзя, потому что рабочий класс – это моя родина, и мое будущее связано с пролетариатом. Я говорю это не ради самозащиты, не ради маскировки – дело действительно обстоит так. Это правда еще и потому, что быть отвергнутым своим классом и быть внутренне все же с ним – это гораздо более мучительно, чем сознать себя чуждым всему, опустить голову и отойти в сторону.

Мне сейчас никто не верит – я сам заслужил такое недоверие. Но я очень хотел бы, чтобы Вы мне поверили: поверили лишь в единственное положение: я не классовый враг» [2, 177 178].

Спустя почти два года, 23 сентября 1933 года Платонов писал М. Горькому: «Прошу Вас как председателя оргкомитета писателей Советского Союза помочь мне, чтобы я мог заниматься литературой. Меня не печатают 2,5 года... Я прошу Вас, если Вы не считаете нужным поставить на мне крест, оказать мне содействие... Мне это нужно не для «славы», а для возможности дальнейшего существования. Существование же мне нужно для того, что я еще буду полезным в советской литературе» [2, 181 182].

Платонов был искренен, другим он быть не мог. Все дело в качестве литературно-критических оценок современников, не сумевших в художе-

ственной прозе трагического художника 1920 – 1930-х годов почувствовать биение творческого импульса, сформулированного самим Платоновым в анкете издательства «Московское товарищество писателей» в 1934 году: «Литературное направление, в котором я работаю, оценивается как сатирическое. Субъективно же я не чувствую, что я сатирик, и в будущей работе не сохранию сатирических черт» [5, 590-591]. Особенности эмоционального колорита иронической прозы Платонова конца 1920 – начала 1930-х годов интересно и продуктивно проанализировать в контексте методологии оценок В.Г. Белинским «Мертвых душ» Гоголя [7, 42-58].

Предположить, что Платонова запугали, вряд ли возможно. Речь идет о человеке, в связи с личностью которого редактор «Красной Звезды» Д. Ортенберг, вспоминая время с октября 1942 года, когда Платонов был в действующей армии в качестве специального корреспондента газеты, писал: «Характер писателя не позволял ему отсиживаться в блиндажах и окопах – он все должен был видеть собственными глазами. В июне 1943 года под Курском А. Платонов был в эшелоне, на который немцы совершили налет. Если все, выскочив из вагонов, бросились на землю, то писатель Платонов встретил бомбежку стоя, так как “смотрел... на осветительные ракеты”. В письме к жене он так описал это “приключение”: “Меня ударило головой о дерево, но голова уцелела... Взрывная волна была слаба для моей гибели...”» [9, 1].

Настоящее, подлинное литературоведческое исследование, как правило, отмечено по меньшей мере тремя чертами: у тебя, читателя-специалиста, не раз читавшего произведение художника, о котором идет речь, появляется ощущение покаянной недопрочитанности тобою этого произведения, недодуманности в восприятии авторских

идей; стремление автора-исследователя убеждать, вступить с тобою, читателем, в диалог; узнаваемость исследователя, его стилистики, письма. Не напиши Т.А. Никонова свой научно-исследовательский компендиум, краткое изложение своей авторской литературоведческой концепции, не только платоноведение, но и научная история литературы XX века, литературная теория многое бы потеряли: в книге есть историко-литературные факты, осмысленных авторитетным историком литературы, не только известным платоноведом.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. / В.Г. Белинский М., 1954. – Т. 8.
2. Вопросы литературы. – 1988. – № 9.
3. Никонова Т.А. Андрей Платонов в диалоге с миром и социальной реальностью: Монография / Т.А. Никонова. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2011.
4. Перхин В.В. Два письма Андрея Платонова / В.В. Перхин // Русская литература. – 1990. – № 1.
5. Платонов А.П. Государственный житель. Проза, ранние сочинения. Письма / сост. М.А. Платонова. Вступ. ст. и коммент. В.А. Чалмаева. – М.: Сов. писатель, 1988.
6. Платонов А.П. Записные книжки: Материалы к биографии / А.П. Платонов. – М.: ИМЛИ РАН, 2006.
7. Полякова Л.В. В.Г. Белинский: уроки литературной теории и методологии / Л.В. Полякова // Славянский мир: духовные традиции и словесность: сборник материалов Международной научной конференции. Вып. 2 – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2011.
8. Творчество Андрея Платонова. Исследования и материалы. Библиография. – СПб.: Наука, 1995.
9. Чехонадский Ю. Офицер Зайцев двинул вперед свои пушки / Ю. Чехонадский // Правда. Пять. – 1997. – 27 сент.

ПРИМЕЧАНИЕ:

1. Рецензия на монографию: Никонова Т.А. Андрей Платонов в диалоге с миром и социальной реальностью: Монография. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2011. – 220 с.

*Л.В. Полякова,
доктор филологических наук, профессор ФГБОУ
ВПО «Тамбовский государственный университет
имени Г.Р. Державина».*

*L.V. Polyakova,
Doctor of Philology, professor FGBOU of VPO «The
Tambov state name university Derzhavin».*